


Наталия
Гречук

Петербург

СОБЫТИЯ И ЛИЦА



ИСТОРИЯ ГОРОДА
В ФОТОГРАФИЯХ
КАРЛА БУЛЛЫ
И ЕГО
СОВРЕМЕННИКОВ

Наталия Гречук

**Петербург. События и лица.
История города в фотографиях
Карла Буллы и его современников**

«Центрполиграф»

2015

Гречук Н.

Петербург. События и лица. История города в фотографиях Карла Буллы и его современников / Н. Гречук — «Центрполиграф», 2015

Перед вами продолжение экскурсии по бывшему Петербургу. Используя в книге редкие фотографии из Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, автор увлекает в путешествие по прошлому Северной столицы. Снимки здесь как застывшие кадры истории, которую можно снова оживить благодаря рассказам в книге и собственному воображению. Они поведают о фактах и людях, перед глазами возникнут как знакомые и привычные места и люди, что всегда были на слуху, так и незаслуженно забытые фамилии и места, которые бесследно исчезли. Автором большинства снимков в этой книге является знаменитый фотолетописец петербургской жизни на рубеже XIX–XX веков Карл Карлович Булла. Есть там также работы его сыновей Александра и Виктора, которые в свое время и передали архив отца городу.

Содержание

Время, вперед!	7
Переворот 7208 года	7
Год нов, а предрассудки стары	10
Все врут календари?	12
Задумано основателем	15
Двор Петра Великого	15
Рублевик петербургской чеканки	17
Под сенью Андреевского флага	20
Первым пароходом – в Кронштадт!	23
Как вычисляли юбилей	26
Петровский кураж	28
Лучше Императорского!	31
Окно на Зимнюю канавку	34
Новой столице расти и расти	37
Колыбель нового града	37
Для дорогих гостей	39
Петербургские страницы А.Д. Б-ова	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Наталия Гречук

Петербург. События и лица.

История города в фотографиях

Карла Буллы и его современников



В книге представлены фотографии, хранящиеся в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга

Те из читателей, кто благосклонно встретил мою книгу «Петербург. Застывшие мгновения», надеюсь, с удовольствием продолжат экскурсию по былому Петербургу. Оказаться в нем и на этот раз помогут фотографии Карла Буллы, его сыновей и его коллег.

О многом позволяют рассказать старые снимки: о значимых событиях и маленьких, но любопытных фактах, а главное – о людях, определявших стиль и ритм петербургской жизни: ученых, зодчих, художниках, актерах, писателях, «отцах» города, членах императорской фамилии.

Мне только остается дополнить историческими подробностями сюжеты, попавшие в объектив.

Так, читатель может побывать на открытии хорошо известных всем столичных памятников – например, конной статуи Николая I на Исаакиевской площади или Александровской колонны на Дворцовой площади. Те торжества проходили при большом стечении народа, при участии самого государя. А потом, отправившись на Черную речку, узнать многострадальную судьбу другого памятника, очень скромного, устроенного заботами энтузиастов на месте дуэли Александра Сергеевича Пушкина. Старая столица была весьма контрастным городом...

Может также. Нет, не буду тут вам больше ничего говорить, лучше откройте книгу с любой страницы – думаю, что-то интересное для себя найдете. При том, что не все имена, которые, читая, вы встретите, будут вам знакомы.

В самом деле, знаете ли вы, кто такой Николай Апостоли, Степан Колодкин, Василий Жуков, Осип Леман, Валериан Панаев?.. А они и многие другие, право, заслуживают того, чтобы о них вспомнили – и помнили.

Да, многое из появившегося в Петербурге в те давние времена сохранилось неизменным, стало для нас привычным и даже не всегда замечаемым. Но немало и утрачено. Нет Покровской церкви в Коломне – творения замечательного зодчего екатерининской эпохи И.Е. Старова. Нет храма «Спас на водах» – памятника погибшим в боях морякам. Не увидим мы с вами бронзового Петра I, спасающего рыбаков...

Многие утраты случились уже в советское время, но, оказывается, таким же недомыслием страдали и во времена, когда Петербург был столицей Российской империи. Ведь вполне мог он лишиться и коротенькой Лебяжьей канавки, и протяженного Екатерининского канала.

Фотоснимки запечатлевают миг истории, порой, вроде бы и не важный. Подумаешь, морские кадеты верхом на конях! Или очередь у магазина, торгующего швейными машинами! Или карета скорой помощи с каким-то господином на носилках. Но из этой мозаики событий, фактов и лиц, запечатленных на стеклянных пластинах вековой давности, складывается живая, полная звуков и красок картина – и прошлое становится достоянием личной памяти.

Время, вперед!

Переворот 7208 года

Картина перед вами самая что ни есть для Нового года традиционная: дети на елке.

Это петербургское градоначальство в своем доме на Гороховой, 2, устроило, по обычаю, праздник для детей низших чинов полиции. Действие происходит 1 января¹1912 года, что зафиксировано на фотопластинке автором снимка – знаменитым фотолетописцем старого Петербурга Карлом Буллой. Кстати, сразу же и скажу, что почти все снимки, которые читатель увидит в этой книге, – работы Карла Карловича.

К тому времени, когда детишки пришли за подарками на Гороховую, новый год в первый январский день россияне по «летосчислению от Петра I» праздновали уже в 213-й раз.

Сам по себе этот факт широко известен: именно Петр перенес, на европейский манер, отсчет годов с принятого до того на Руси 1 сентября на 1 января. И что приказал соотечественникам в этот день праздновать и веселиться.

За подробностями же обратимся к историку Ивану Голикову, к его труду «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам». (Первым издателем этого сочинения, кстати, был известный просветитель, журналист и писатель Николай Иванович Новиков, а вышло оно в 178889 годах двенадцатью томами.)

В «Деяниях...» приводится тот самый исторический царский указ, которому суждено было произвести истинный переворот в умах всех без исключения российских граждан.

«208 года Декабря в 15 день Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, всея Великие и Малые и Белые России Самодержец указал сказать:.. впредь лета исчислять в приказах и во всяких делах и крепостях писать с нынешнего января с 1 числа от Рождества Христова 1700 года...»

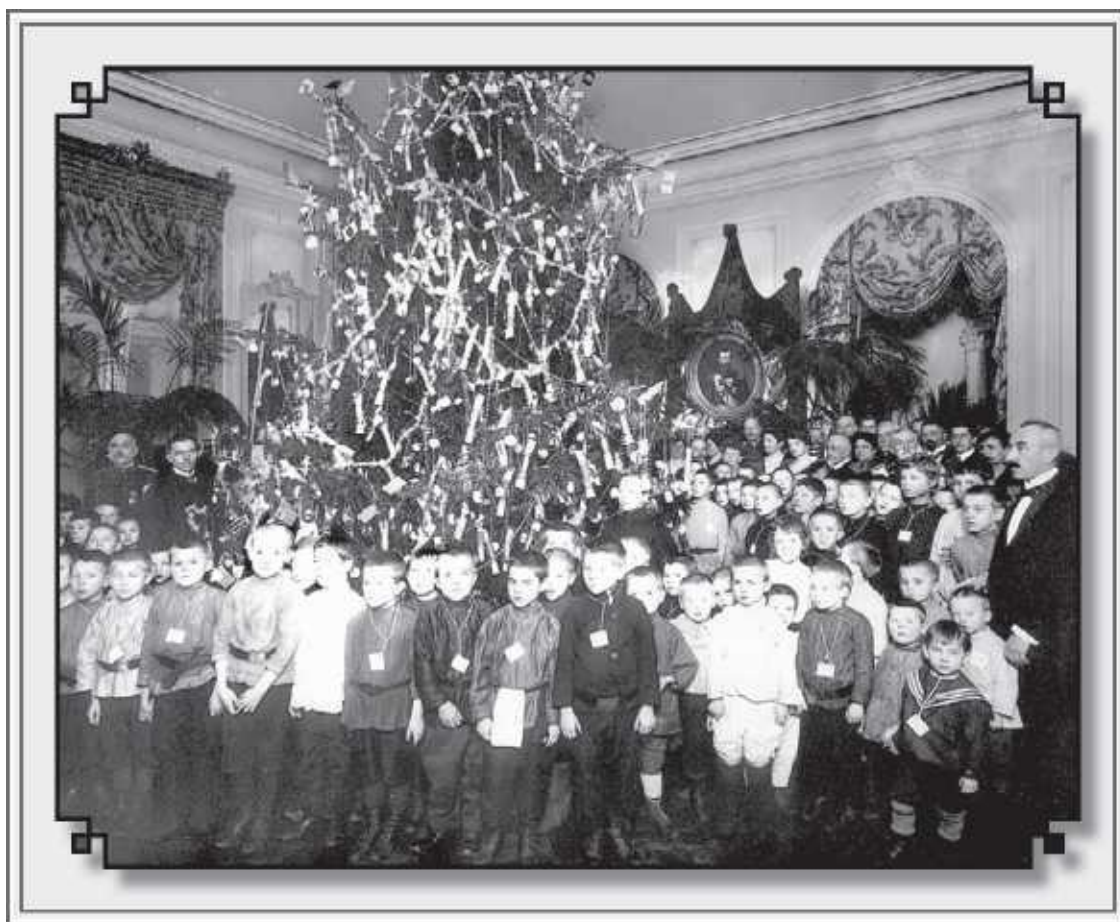
Как видим, предусмотрительный Петр решил дать россиянам две недели на то, чтобы успели хоть как-то привыкнуть к мысли: лета им, христианам, придется теперь числить не от сотворения мира, а потому 7208-й год (Петр в указе написал короче – 208-й) назовется 1700-м.

Понимал он также, что может иметь место «суеверное толкование о сей новости». По этой причине и решил «занять мысли жителей», дабы времени на подобные толкования у них не осталось, повелев устроить в первый день января «веселие», а накануне к празднику хорошо подготовиться.

Из того же указа: «...по большим проезжим и знатным улицам знатным людям... предвороты учинить некоторое украшение от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевельных против образцов, каковы сделаны в Гостином дворе и у нижней аптеки или как удобнее и пристойнее, смотря по месту... а людям скудным комуждо хотя по древцу или ветви над вороты или над хороминою своею поставить...». (Московская чернь, как пишет Голиков, загодя была отряжена на заготовку зеленых веток, а потом украшала ими улицы и дома.)

Были и другие указания – насчет фейерверков, стрельбы из «небольших пушечек, буде у кого есть», или даже пускания «ракетов, сколько у кого случится»...

¹ Здесь и далее все даты до февраля 1918 года даются по старому стилю.



Праздничное действо началось в полночь. Из разных частей Москвы к Кремлю строем шли воинские колонны, с распущенными знаменами, под барабанный бой и музыку. В Кремле, в Успенском соборе на всенощной был Петр с двором и «всеми знатными, в наилучшем убранстве». Митрополит Рязанский Стефан после молебна доказывал в проповеди «нужду и пользу таковые перемены года».

Службы шли во всех московских церквях, а по окончании их раздался над Москвою колокольный звон, а служивые произвели троекратный салют.

Петр же после положенной по чину церковной церемонии, выражаясь современно, устроил пышный прием для знатных особ, как духовных, так и светских, как своих, так и иностранных. «Свои» при этом подверглись еще одному великому испытанию новшеством – велено было им, боярам, вытащить из светелок жен и дочек и прибыть в общество с ними, да одеться «в немецкий убор». (Петру несносен был «восточный обычай», когда «женский пол, а паче девицы, за великий почитали стыд казаться в народе».)

Не была забыта и чернь. Для нее выставили перед дворцом и тремя триумфальными воротами, ради Нового года сооруженными, столы «с разною ествою», чаны с вином и пивом.

Веселие длилось целый день. Горели фейерверки и потешные огни, гремели пушечные выстрелы, звонили колокола.

Вечером первого января к Петру снова потянулись гости – на бал. (Сколько сраму-то бояре натерпелись!)

Как водится, после праздников настали будни. Потек себе нововведенный 1700-й год. Именно эти, и никакие другие, цифры стали выводить в бумагах дьяки в присутственных местах: царский указ святое дело, да и голова дорога.

Но были, были те, что тихонько, про себя, роптали: как, дескать, мог государь переменить солнечное течение? Они, писал Голиков, веруя, что Бог сотворил свет в сентябре, при этом своем мнении так и остались.

Год нов, а предрассудки стары

«Правильное и краткое решение сего вопроса: начнется ли с 1800 годом новое столетие? Ежели мы принимаем в исчисление десятки, то сие столетие не кончится числом 9, а только числом 10; не от 1-го до 9, но от 1-го до 10 есть десяток; от 11-го до 20 второй десяток; от 21-го до 30 третий десяток. Следовательно, не с 1800, а только с 1801 начнется новое столетие. Сие для просвещенного человеческого разума так ясно, что не нужно читать многих о том сочинений или ради того справляться у Временосчислителей».

Вот такую совершенно определенную информацию дали своим читателям «С.-Петербургские ведомости» в первый день 1800 года. (Забавно, правда, что помещена она в разделе заграничных новостей, с пометой: «Из Стаде от 16 Декабря». Стаде это нынешний город Штаде в Германии.)



Увы, за последующие сто лет разъяснение это успело забыться, и с определением наступления нового века опять пошла путаница. И разъяснения в газетах пришлось давать снова.

«Наконец-то он кончился, пресловутый девятнадцатый век, и перед нами встает вопрос, следует ли оплакивать его или радоваться его кончине... С завтрашнего дня будем говорить, что поэзия Пушкина принадлежит прошлому веку», – писало «Новое время» в воскресенье 31 декабря 1900 года.

Столь же просвещенной оказалась «Петербургская газета». Она взяла в авторитеты Камиля Фламариона, французского астронома, который доказывал своим собственным соотечественникам, что счет начинается с единицы, а не с нуля, а потому о начале очередного века споров быть не может.

Как видите, не одни только россияне ошибались, торопясь расстаться с прошлым. Говорят, например, что и Шиллер поздравлял Гёте 1 января 1800 года с новым веком, а потом исправлял свою ошибку в поздравлении через год... И германский император Вильгельм упорствовал в своем мнении, что двадцатый век пошел с 1900 года...

Но что для России тогда было гораздо существеннее, так это то обстоятельство, что она отставала от остального мира по календарю, живя «по старому стилю».

«Наша погода торопится, – сетовало «Новое время» в конце оттепельного декабря 1896 года, – а наш календарь запаздывает. За границей уже третий день нового года, а мы все еще не можем расстаться со старым».

(Конечно же, и эти, со снимка, петербургские артельщики – изготовители елочных украшений, как и все в России, праздновали приход 1914 года почти на две недели позже, чем делалось в Европе.)

Вопрос об отказе от календаря юлианского и переходе на грегорианский и в прежние времена ставился у нас не раз. Особенно настойчиво – в конце позапрошлого века.

«Слухи о реформе календаря принимают определенный характер, – оповещала читателей «Петербургская газета» 6 мая 1899 года. – Таким образом в скором времени... мы не будем жить особою, замкнутою от всего мира жизнью... В двадцатом веке, сравнительно с юлианским календарем, мы бы отстали уже на 13 дней. Цифра, способная внушить суеверный страх».

Действительно, с «высочайшего соизволения» была составлена комиссия при Русском астрономическом обществе из представителей разных ведомств, которой поручили заняться разработкой проблемы. Так что общественность, в той ее части, которую принято называть прогрессивной, уже надеялась, что с 1 января, если и не 1900 года, то хотя бы 1901-го, страна будет считать дни своей жизни по-новому.

Эти надежды оказались тщетны.

Вопрос опять поднимается в начале 1910-х годов. О необходимости перехода России на новый стиль летоисчисления публично, через печать, заявляет один из членов Государственного совета Владимир Михайлович Андреевский. (Ни высокий пост, ни чин действительного статского советника не защитили его при этом от обвинений в потворстве «еврейским торговцам и профессорам-масонам»!) Давно назревшую необходимость такой реформы Андреевский обосновывал многими факторами практической жизни.

Во-первых, уже с 1772 года русские метеорологи и астрономы вели свои наблюдения по новому стилю. Во-вторых, по новому же стилю исчислялись «течение процентов» и сроки платежей по российским займам, реализованным «главным образом за границей». По общему с Европой календарю меняли сезонное расписание поездов железные дороги России: 18 апреля и 19 октября, что соответствует европейским 1 мая и 1 ноября...

В общем, не менее, чем в пяти государственных ведомствах России, утверждал В.М. Андреевский, вынужденно применялся двойной стиль. «Календарь наш должен быть исправлен прежде всего потому, что он неверен. От этого мы не уйдем, какие бы затруднения и преграды ни ставились...»

Реформа календаря в России, как вы знаете, все-таки произошла – по декрету СНК РСФСР. Улегшись спать 31 января 1918 года, граждане проснулись не 1 февраля, а 14-го – и стали жить по новому стилю, как весь остальной мир.

Что же касается сроков наступления XXI века...

«Наверное, через сто лет, в 2000 году, наши потомки опять будут спорить, праздновать ли новое, третье по счету, тысячелетие в этом 2000 году или в следующем, 2001 году», – предсказали когда-то петербургские газеты. И не ошиблись. Ведь что скрывать, кое-кому из наших с вами современников опять пришлось напоминать, что счет начинается не с нуля, а с единицы...

Все врут календари?

«Мальчики принесли кожаный чемодан Анны Аполосовны и поставили на стол. Матушка раскрыла его и начала вынимать: листы золотой бумаги, гладкой и с тиснением, листы серебряной, синей, зеленой и оранжевой бумаги, бристо́льский картон, коробочки со свечками, с елочными подсвечниками, с золотыми рыбками и петушками, коробку с дутыми стеклянными шариками, которые нанизывались на нитку, и коробку с шариками, у которых сверху была серебряная петелька, – с четырех сторон они были вдавлены и другого цвета, затем коробку с хлопушками, пучки золотой и серебряной канители, фонарики с цветными слюдяными окошечками и большую звезду. С каждой новой коробкой дети стонали от восторга».

Вы помните эту сцену из «Детства Никиты» Алексея Толстого? В доме готовились наряжать елку. И украшенная, наверное, она выглядела так, как на этом старом снимке, сделанном Карлом Буллой в 1912 году.

Между прочим, елка тогда именовалась рождественской, а не новогодней. Рождество, как ему и полагается, прежде и у нас новому году предшествовало, как и во многих странах. Вот только с датами было, как известно, не так, как у всех. Календарь другой, юлианский, никак не позволял России в ногу со всеми идти.

Но оказывается, и грегорианский календарь устраивал не всех, живших по нему! Более того, в 1920-х годах при Лиге Наций организовали даже специальную комиссию по его реформе...

Да, было время, когда ученые разных стран ломали голову над новой системой счисления дней, месяцев и лет, от души желая сделать ее и простой, и универсальной.

Но с простотой-то как раз вся сложность и была.

Англичанин Котсворт, к примеру, предлагал свой «год» – поделенный на 13 месяцев по четыре недели в каждом. В этом случае одним и тем же дням недели всегда соответствовали бы одни и те же числа.



Но в «год» Котсворта вмещалось всего 364 дня! Англичанин нашел выход: 365-й день, без числа, ежегодно делать праздничным «Днем человечества», а 366-й високосный – «Днем науки». (Эти «дни без числа» мне напомнили гоголевского Поприщина из «Записок сумасшедшего».)

Своя идея была у немецкого профессора Клинковштрема. Он придумал сделать первый и последний месяцы каждого квартала 30-дневными, а остальным дать по 31 дню. При этом первое января навсегда привязать к воскресенью, а 31 декабря – к субботе. И опять выходили неучтенными два дня, которым Клинковштрем, как и Котсворт, искал какое-то место...

В «Петербургской газете» прочитала я, будто бы и наш Дмитрий Иванович Менделеев занимался календарем: предлагал «введение в России третьего стиля, нормального, по данным науки». (Только в чем была соль его предложения, газета не сообщила.)

Что же касается банального перехода России на распространенный в остальном мире грегорианский календарь, то сторонники его никак не могли сойтись на том, каким способом это сделать. Не считать високосных годов до тех пор, пока даты двух стилей не совпадут? Уничтожить, с той же целью, 31-е дни месяцев?

Но все это требовало такого долгого времени, что не каждый российский обыватель мог бы дожить до результата!

Между тем правительство больше было озабочено другим: огромным количеством праздничных дней в календаре. Нерабочими были «царские» дни – рождения, тезоименитства, восшествия на престол. А также, конечно, церковные. Подсчитав огромные убытки, наносимые праздниками, в 1909 году эту проблему собрался обсуждать Государственный совет, но встретил возражения прежде всего со стороны духовенства.

(Забавно, кстати, как с церковными праздниками пытались бороться в первые годы советской власти. В 1924 году, к примеру, Петрогубпрофсовет постановил день отдыха 28 мая – Вознесение – перенести на 2 мая, а Успение, приходившееся на 15 августа, отгулять 6 июля. Эту традицию переносов выходных, как вы знаете, мы исправно продолжаем.)

Но, в конце концов, бог с ними, со всеми этими стилями. Каков бы ни был календарь, в любом случае мы – живем! Тем более он и у нас по-прежнему полон праздников.

Задумано основателем

Двор Петра Великого

Представьте себе, что вы идете от Невского по Литейному к Неве, доходите до конца проспекта, а его вдоль берега перегораживает какое-то строение с башней, закрывая берег... Однако так когда-то и было, и даже не в столь уж незапамятные времена.

Строением тем был Литейный дом, старейшее петербургское предприятие, детище самого Петра.

Сооружать его – вдали от жилой части новой столицы, на невском берегу, в конце лесной просеки, получившей потом название Литейной (акkurat на месте въезда на нынешний Литейный мост!) – стали в 1712 году. И был он поначалу бревенчатым.

Потом под боком у него, по обеим сторонам просеки-перспективы, выросли здания двух «пушечных дворов». (Даром что ли первоначальное название ближайшей к ним Сергиевской улицы было, по словам автора исторического очерка об Арсенале В. Родзевича, – Пушкинская.)

Позже, в 30-е годы XVIII века, сам Литейный дом перестроили в каменный...

Так образовался в этом столичном районе производственный комплекс, известный как Литейный двор. И просуществовал он здесь почти полтора века. Пока в 1841 году

Николай I не распорядился перенести его на новое место. Участок же был присмотрен на другом берегу Невы, там, где располагалась старая «Градская партикулярная верфь», давно уже принадлежавшая Артиллерийскому ведомству.

Закладка состоялась в 1844 году.

В первую очередь стали застраивать прибрежную границу участка. Здесь здания со стенами толщиной в пять кирпичей предназначались для мастерских. Напротив, через тогдашнюю Бочарную улицу (потом она звалась Симбирской, а теперь – Комсомола), тоже быстро, вырастали корпуса с квартирами для высших чинов и казармами для холостых рабочих, а за ними – домики для семейных.

По частям Арсенал начал перемещаться на Выборгскую сторону уже с конца 1846 года...

Спешили не только потому, что старое производство уже не удовлетворяло военных: подстегивал точно назначенный царем срок открытия Арсенала на новом месте – январь 1850 года. И волей-неволей пришлось 28 января сие торжество праздновать – задолго до окончательного оборудования мастерских. Впрочем, самого царя на освящение не дождались, он прибыл для осмотра только 8 февраля и наблюдал, как «был выпущен металл из печи и отлиты четыре полевых орудия».

Кстати, известно также, когда именно Петербургский арсенал отлил и последнюю в своей истории пушку. Произошло это в самом начале 1882 года, после чего, как пишет уже упоминавшийся В. Родзевич, «литейные печи погасли навсегда», а «Арсенал потерял право называться Литейным двором и превратился в машиностроительный и механический завод».

Что касается нашего снимка, то сделан он был 21 апреля 1914 года. В тот день Арсенал торжественно отмечал свое 200-летие. (Почему в 1914-м, а не двумя годами ранее? Тот же Родзевич выпутался из ситуации таким манером: на обложке своего юбилейного очерка поместил даты «17121912», а на титульном листе – «1714–1914»!)



На празднование юбилея прибыло множество гостей, в частности, делегации тульских и сестрорецких оружейников, охтинские пороховщики, представители всех крупных столичных заводов, не говоря о высших военных чинах...

Тогда же, 21 апреля, был открыт на Симбирской улице, на садовой дорожке меж двух жилых корпусов, памятник основателю Арсенала – Петру Великому. Петр изображен так, будто пришел на свой Литейный двор проверить лишний раз, как там идут дела. Есть же ведь такая запись в старинном камер-фурьерском журнале: «Господин Генерал изволил быть на литейном дворе и осматривать нововылитые пушки». «Генерал» – это о Петре, который, впрочем, с удовольствием именовал себя и просто бомбардиром...

Деньги на сооружение памятника были собраны офицерами и «классными чинами», вольнонаемными служащими, мастеровыми и рабочими самого завода, а также выручены продажей, «с разрешения Военного совета», латунного лома. Работу исполнил Всеволод Лишев, ученик известного петербургского скульптора академика Владимира Беклемишева...

Этого бронзового Петра мы теперь только на снимке и можем увидеть. Лишевский памятник в середине 1930-х годов был снят. По какой причине? Может, и объяснили что-нибудь на этот счет самому скульптору, который прожил долгую жизнь и умер в 1960 году – но нам того уже не узнать. Как не узнать и о том, что думает художник, когда его творения убирают с глаз долой.

Но есть в нашем городе другие работы В.В. Лешева, народного художника СССР, установленные уже в советское время. Знатоки вспомнят сразу и памятники Николаю Чернышевскому на Московском проспекте перед гостиницей «Россия», и Александру Грибоедову на Пионерской площади, и Константину Ушинскому на Мойке, и бюст поэта Некрасова на Литейном проспекте...

Рублевик петербургской чеканки

Совсем немного найдется в нашем городе замечательных и значительных учреждений, точная дата рождения которых нам не известна. Знаменитый петербургский Монетный двор – в их числе. По причине простой и нелепой: архив его, включавший документы от времени Петра I до конца XVIII века, погиб при эвакуации в Москву в августе 1917 года.

История же Монетного двора развивалась так.

На плане каменной застройки Петропавловской крепости Петр, прочно обосновавшийся в новой столице в 1712 году, самолично пометил здания для Монетного двора внутри Нарышкинского бастиона. В заметочке, опубликованной журналом «Воскресный досуг» в 1863 году, я прочла, что Монетный двор в Петербурге основан в 1716 году. Не знаю, на чем строил это свое утверждение автор заметки, потому что известен петровский указ от



15 марта 1719 года, который еще только лишь предписывает: «Денежные дворы из Москвы со всеми принадлежностями и с мастеровыми людьми и служители перевести в будущем 720 году неотменно».

Но с переводом, видно, ничего тогда не вышло, так как 28 февраля 1721 года Петр рассматривает «докладные пункты» Берг-коллегии, которая доносит: «гораздо б прибыльнее и лучше было, когда б Денежные дворы здесь, в Петербурге, под видом Его Царского Величества и Берг-коллегии были... хотя б к наименьшему золотая монета здесь делалась...».

И снова затея терпит неудачу, иначе царю не пришлось бы уже в 1723 году, в начале осени, велеть Якову Брюсу, председателю Берг- и Мануфактур-коллегий, подготовить в своем ведомстве место «для монетного серебряного дела в Санктпетербурге, покамест особой двор сделан будет...».

На сей раз Петр добился своего. Во владениях Берг- и Мануфактур-коллегий (на нынешней Шпалерной, у угла улицы Чернышевского) устроен был временно Монетный двор, а 21 апреля 1724 года приступили к чеканке монет. И может быть, в тот же день царь держал в руках первый петербургский рублевик с буквами «СПБ» и собственным портретом.

(Напомню, кстати, что все названные хлопоты Петра объяснялись затеянной им реформой денежного хозяйства. При этом старые монеты велено было приносить на денежные дворы для перелива, в обмен на новые. И не дай бог кому-то чеканить их самостоятельно! С фальшивомонетчиками царь был крут: ладно, если просто ссылали на каторгу, а то могли и «смертию казнить», залив в глотку расплавленный металл.)

Но и на устройство Монетного двора в Петропавловской крепости средства отпущены были тоже. Впрочем, того здания, которое всем нам, не раз в крепости гулявшим, так хорошо знакомо, пришлось дожидаться долго! Его начали строить только при Павле I, который сам и утвердил чертежи, представленные архитектором Антонио Порто. А закончили при следующем царе, Александре I.

Интересно, что при всех строгостях, которыми обставлялось достаточно «режимное» производство, вход на петербургский Монетный двор для любопытствующих горожан когда-то был открытым. Для них даже устроили поверху специальные галереи, откуда они могли наблюдать процесс производства. (Двор закрылся для обывательских экскурсий в 1911 году, после того, как в одном из корпусов взорвался светильный газ.)

«Признаюсь, что сие заведение по благоустройству своему составляет нечто единственное не только в обширном Отечестве нашем, но и в целой Европе! – восторгался один из таких посетителей, чье «Письмо к издателю» я прочитала в майском номере журнала «Благонамеренный» за 1821 год. Описывал он, в частности, паровую машину «самой новейшей и лучшей конструкции» («сила ее соответствует силе 60 лошадей») и «рожденный в нашем Отечестве» новый способ отделения золота от серебра, «привлекающий внимание целой Европы».

А в газете «Петербургский листок» за 1 апреля 1903 года мне попала целая страница, отведенная рассказу о «сложных манипуляциях, необходимых для производства того бесчисленного множества золотых, серебряных и медных кружков, которые называют монетами». Меня, правда, заинтересовали не столько эти «сложные манипуляции», сколько детали другого рода. Например, то, что рабочие в плавильне были одеты в полотняные кители и картузы, «сложенные» из парусиновых денежных мешков. Или, что мешок меди в 50 рублей весил ровно один пуд, а мешок серебряных монет на 1000 рублей – пуд и три фунта с золотниками...

Как можно понять из «Петербургского листка», считали монеты и ссыпали в мешки вручную – вот так, как это делает юный Крез с нашего снимка. Только его фотографировали двадцатью годами позднее, в советское уже время. А с середины 1918 года до 1921-го на нашем Монетном дворе монеты не чеканились. Производство возобновилось выпуском золотых червонцев и серебряных рублей. Создавалось это богатство, как и прежде, вполне пролетарскими руками.

Под сенью Андреевского флага

Есть в нашем городе заведение, которое старше самого Петербурга. Это С.-Петербургский Военно-морской институт (горожане помнят его как Высшее Военно-морское училище имени М.В. Фрунзе).

Расположившись в помещениях бывшего Морского кадетского корпуса – после того, как тот был упразднен приказом военно-морского комиссара Льва Троцкого от 24 февраля 1918 года – институт, естественно, воспринял и его родословную...

«Всякий гардемарин есть слуга Государя и Отечества и защитник их от врагов внешних и внутренних». С этого первого параграфа начинали когда-то знакомиться с «Инструкцией гардемаринам» поступившие в Морской кадетский корпус, знаменитый в России – ведь не было тогда у нас моряка-офицера, который не являлся бы питомцем дома на Николаевской набережной в Петербурге. (Пусть, кстати, вас не смущает то, что на фотографии – всадники. Будущих моряков тогда учили и в седле устойчиво держаться.)

Какие же знаменитые имена были связаны с Морским корпусом! Беллинсгаузен и Крузенштерн, Нахимов и Корнилов, Сенявин, Лазарев, Головнин, Лисянский... Это только адмиралы, да и то не все названы. А художник Верещагин... А композитор Римский-Корсаков... Писатель Станюкович... И этот, «неморской», список тоже можно продолжить.

В Корпусе учились семейными поколениями. За примером, как говорится, далеко ходить не буду. Читала я описание празднования в 1901 году его 200-летнего юбилея, принадлежавшее перу Якова Ивановича Павлинова, инспектора классов Корпуса и его выпускника. А список воспитанников за 1897–1904 годы, помещенный в брошюре, составил его сын Андрей, выпускник 1903 года. И есть в этом списке два брата Павлиновых – Павел и Владимир.

Что же касается того юбилея, то его чуть было не отметили еще в 1899 году. А получилось так.

Морской кадетский корпус, как известно, повел свое начало от Навигацкой школы, в 1701 году основанной неутомимым Петром I в Москве. Потом, в 1715-м, уже в новой столице учредил он Морскую академию. В декабре 1752-го школа с академией объединились в Морской шляхетный корпус, переименованный в 1802 году в Морской кадетский.

Но только при Екатерине Корпус обрел ротные знамена и герб...



История корпусных знамен сама по себе любопытна. Как писал историограф-любитель, морской лейтенант П. Белавенец, через какое-то время после их появления о них почему-то начисто позабыли, так что даже на похороны Александра I морским кадетам оказалось не с чем идти. Пришлось спешно разыскивать и вытаскивать старые знамена буквально из «груды книжного хлама». Только в 1852 году Николай I пожаловал Корпусу новое знамя, а в 1901-м, в честь юбилея, другой Николай еще раз заменил его.

Так вот, на ленте старого, первого корпусного знамени имелась надпись, с обозначенной датой: «1699 г. Навигацкая школа». От нее, как говорится, и плясали, задумывая предстоящий юбилей.

Однако стараниями полковника Коргуева – он, в отличие от Белавенца, был историографом уже по должности, служил таковым в Морском министерстве, – отыскался в архивах подлинный указ Петра о создании Навигацкой школы, и он оказался датированным 14 января 1701 года. Так что юбилей пришлось на два года отложить.

Зато в 1901 году долгожданные торжества шли четыре дня.

Начался праздник 13 января – с открытия в Корпусе статуи Петра I работы Марка Антокольского. Потом освящали дарованное Николаем II знамя. Принимали приветственные адреса. Давали грандиозный обед. Танцевали на балу. В Мариинском слушали «Евгения Онегина»: Ленского пел Николай Фигнер, а Онегина – г-н Смирнов, оба – питомцы Корпуса.

(«Начиная от 2-го яруса кверху все ложи были заняты исключительно гардемаринами и кадетами Морского корпуса», – писал уже упоминавшийся Я.И. Павлинов. А мне вспомнилось сердитое письмо в «Русском инвалиде» за 10 января того же 1901 года: на всякий случай не подписавший свою фамилию «Отец» протестовал против старого нелепого запрета всем кадетам занимать в театрах какие-либо места, кроме лож. Но ложи так дороги, и их так

мало! Между тем кресла в партере на рождественских утренниках пустуют, кадеты же лишены театра.)

...И еще одна книжка о юбилее Морского корпуса попалась мне в Российской национальной библиотеке (а для большинства петербуржцев по-прежнему Публичке). Но уже о его 250-лети. Издана она была в Париже в 1951 году. Составили этот сборник воспоминаний, напечатанный по старой орфографии («котораго», «разсеянны», с ерами и с ятями), оказавшиеся в эмиграции его питомцы. Совсем уже старички были они тогда, один из них окончил Корпус в 1895 году! Но сохранялось великое братство, и ежегодно съезжались они из разных мест 6 ноября (как и прежде, по старому стилю!) на корпусной праздник, день св. Павла Исповедника.

«Что же заставляет... в этот день отрываться от тяжелой жизни на чужбине, полной забот и тревог? Конечно, любовь и тоска по Родине, по Великой России, по Андреевскому флагу, под сенью которого мы служили...»

Первым пароходом – в Кронштадт!

«Приехав из Петербурга к Кронштадту и расставшись с пароходом, сначала внимаешь только топоту извозчичьей лошадки, несущейся к городу по длинной пристани; за вами уже пройденное устье Невы, налево вода и низенький кустарник финляндского берега...»

Так некий безымянный автор начинает свое «Описание города глазом приезжего», опубликованное в одном из номеров «Воскресного досуга» за 1863 год.

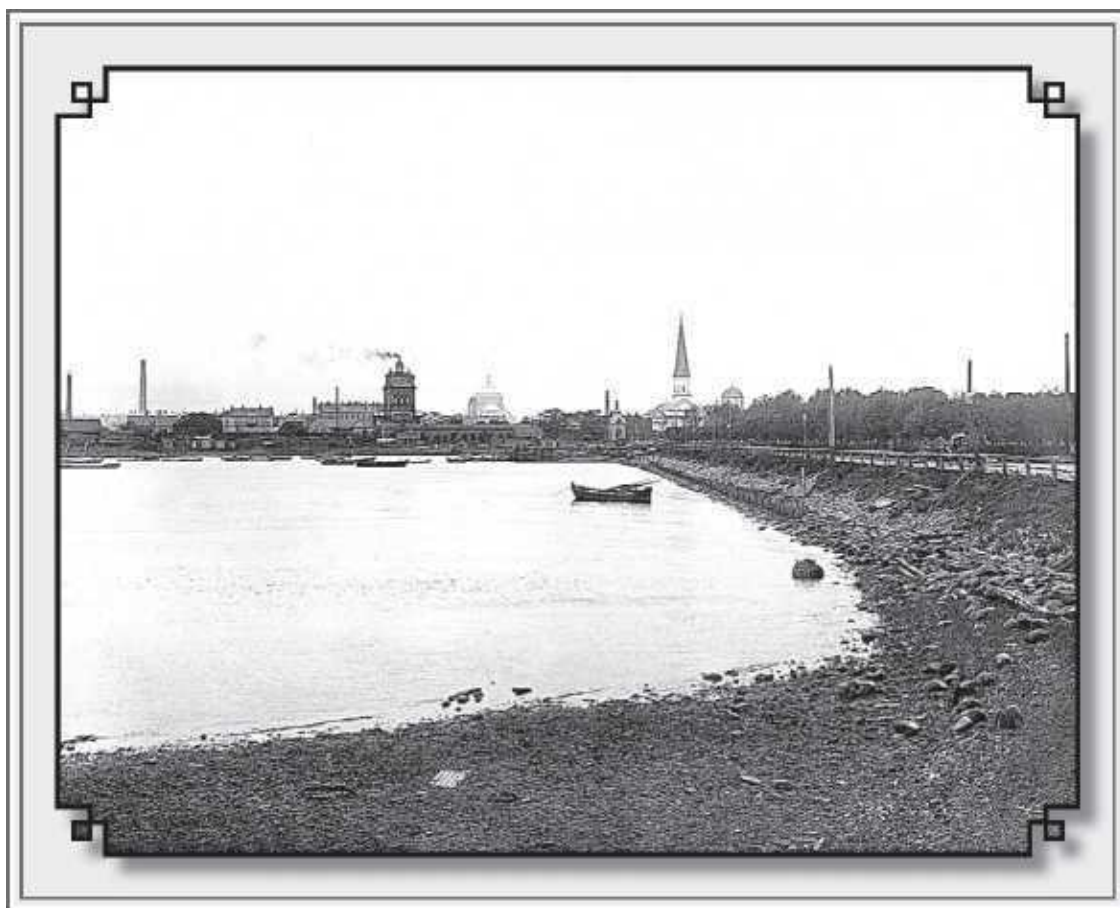
Наш снимок сделан, правда, в 1913 году, но та же длинная пристань, да, наверное, и вид открывшегося путешественнику города за полвека мало изменился...

Днем рождения Кронштадта, как известно, считается 7 мая 1704 года, когда был поднят флаг над фортом-крепостью Кроншлот у острова Котлин.

Освоение же самого «Котлина-острова» началось в 1709 году – со строительства гавани и мола-пристани. Затем, в 1712 году настал черед сооружения на острове-крепости, для чего повелел Петр собрать с губерний 5000 плотников и мастеровых людей. Тогда же был определен Сенатом список бояр, окольных, думных людей, дворян московских, генералов, бригадиров и даже вдов и недорослей, которым предписывали переселиться и жить на Котлине («и для того по сему списку имена их на Красном Крыльце прочесть для ведома всем вслух»).

Столь же решительно прошла мобилизация на предмет строительства на острове жилья: по указам 1714 года каждая губерния обязывалась поставить для того деньги и работников, а чтобы «неведением не отговариваться», губернаторы на присланных им указах расписывались... Построенные на эти средства 24 дома так и назывались потом – «губернскими».

Поселение на острове Котлин оставалось безымянным до 7 октября 1723 года. В тот самый день состоялось торжество закладки центральной островной крепости, с молебствием и водосвятием под проливным дождем – и наречение ее по воле Петра Кронштадтом. После чего кронштадтцами стали зваться и все жители Котлина.



С Петербургом сообщался островной город зимой по льду, летом – водою. Ходили в начале XIX века туда и обратно казенные «пассажиботы» – хлипкие суденышки, которые ветром могло занести и вовсе в Лисий Нос. Но с 1816 года, по словам журнала «Нива», начались рейсы первого в России парохода – пироскафа с кирпичной трубой, сооруженного купцом и заводчиком Чарлзом Бердом...

Посетивший Кронштадт в июле 1785 года некий француз Этьен Дюмон вспоминал, что улицы тогда вымощены не были и стояла грязь по колено. Потом он приехал сюда снова, в 1803 году, и нашел город чистым и опрятным: «я видел каторжников с кандалами на ногах, они исполняли под караулом солдат разные общественные работы».

«Лучшая часть Кронштадта напоминает несколько наши губернские города, – это уже опять автор «Описания» из «Воскресного досуга». – Желтые казенные дома, довольно большой гостиный двор, магазины, гостиницы... Особенность этой части города заключается в иностранных конторах и тавернах, около которых летом всегда встречается много заграничных шхиперов и матросов...» Больше всего иностранцев можно было видеть в так называемом «рыбном ряду», расположенном по соседству с ошвартованными купеческими кораблями: «толстые переваливающиеся каптены с трубочками в зубах, мальчишки-негры, следующие с корзинками в руках за своими хозяевами, англичанка, ступающая через грязь в полосатой поддегнута со всех сторон юбке...».

По другим воспоминаниям, процветала в Кронштадте контрабанда: сюда из столицы приезжали купить недорого сахар, заграничные вина, сигары, материю, благо в середине XIX века в здешнюю купеческую гавань ежегодно прибывали только из Финляндии до 1000 кораблей, да примерно 1400 из других стран.

Кстати, старые энциклопедии говорят о том, что погрузка и выгрузка судов составляли главный заработок местных жителей. Имелись в виду, конечно, гражданские обыватели Кронштадта.

Однако главную часть его населения представляли люди флотские и военные. Кронштадт долго даже и управлялся главным командиром порта, который одновременно являлся военным губернатором города. Города-крепости, которому от роду было предназначено защищать подступы к Петербургу с моря.

Как известно, в советские уже времена это его назначение надолго превратило Кронштадт в закрытый город. Но любопытно, что определенной режимностью, хотя и не такой строгой, отличался он и в позапрошлом веке. Да, приехать сюда из столицы можно было, кажется, свободно, но вот выехать отсюда кронштадтец мог только по выправлении в полиции особого билета...

Сегодня Кронштадт опять открыт любому гостю. И если только будет у вас такая возможность – поезжайте туда! Погуляйте по Якорной площади, пройдитесь по чугунной мостовой, посмотрите «губернские» дома, Гостиный двор, Итальянский дворец, Адмиралтейство, Минихов дом, здания рыбных рядов... Я назвала только некоторые памятники архитектуры: ведь старый Кронштадт тоже город-музей.

Как вычисляли юбилей

Какие две, так сказать, основополагающие даты обычно предлагаются тем, кто интересуется историей петербургского Ботанического сада?

Первая – 11 февраля 1714 года, когда Петр I издал указ об устройстве Аптекарского огорода на Корпи-саари, острове, которому суждено было оттого наименоваться Аптекарским.

И вторая – 22 марта 1823-го, отмеченная указом Александра I «Об устройении на Аптекарском острове Ботанического сада, с наименованием оною – Императорский».

Что самое интересное, при всем том Ботанический сад наш, кажется, так и остается без официального «дня рождения»! Так что читатель поймет мое удивление, когда, просматривая газету «Новое время» за 1913 год, увидела я на ее страницах отчеты о торжествах по случаю праздновавшегося тогда в июне 200-летия сада.

Почему 1913-й, почему июнь?

Ответ нашелся в историческом очерке главного ботаника сада В.И. Липского, изданном по случаю юбилея. За два года до того, оказывается, Липский уже теребил свое начальство вопросом: «когда же свершится двухсотлетие»? Дескать, ввиду отсутствия достоверных данных о рождении сада, надо попытаться отыскать «первые следы его существования».

В конце концов, главный ботаник сам взялся за разыскания – и выяснил любопытные подробности.



Первым делом он обратил внимание на то, что многократно поминаемый и прежними историками сада указ Петра от 11 февраля 1714 года в официальном источнике – Полном собрании законов Российской империи – отсутствует. «Предание» о сем документе вышло из уст первого директора Ботанического сада времен Александра I – Ф.Б. Фишера, который,

между прочим, указывал, что «решительно все» документы об Аптекарском огороде сгорели во время пожара, бывшего в 1737 году!

Тогда Липский обратился к другим источникам. И в материалах первой описи Петербургской стороны, датированной 11 декабря 1713 года, нашел такую запись: «Перепись начата от церкви Троицы, по берегу Большой Невы и Невки до Аптекарского острова...».

Обратите внимание – «до Аптекарского острова»! То есть вместе с нашим ботаником-историком мы можем сделать вывод, что «огород» там к тому времени уже существовал.

Подтверждение своему выводу Липский нашел и в документах Медицинской канцелярии. В них говорилось о двух «изустных» распоряжениях Петра. Одно из них действительно относилось к февралю 1714 года: царь приказывал огородить огород и отвести «двор» для жития аптекарских служителей. Но еще прежде того указал Петр дать под аптеку остров, «на котором посторонним людям никому кроме аптекарских служителей строица не велено». (По ходу дела выяснилось также, что в новой столице уже и без того имелся «аптекарский сад» – на Охте, снабжавший лечебными травами госпитали.)

О результатах этих своих разысканий Липский доложил директору Ботанического сада А. А. Фишеру фон-Вальдгейму и членам Совета сада. Те согласились, что праздновать двухсотлетие надобно именно в 1913 году, тем более, что на этот год приходятся еще и другие достойные события: 90-летие преобразования сада в Императорский Ботанический, 50-летие пребывания его в ведомстве Главного Управления землеустройства, а также ожидаемое открытие нового здания для гербария и библиотеки.

А что касается дня празднования, то дата большого значения тут уже не имеет; однако поскольку праздновать всегда лучше, когда на дворе тепло, то и остановились на 11 июня...

Торжества вышли пышные и не на один день. И гости были все, как говорится, высокие: главноуправляющий земледелием и землеустройством А.В. Кривошеин, министр юстиции И.Г. Щегловитов, министр торговли и промышленности С.И. Тимашев, морской министр И.К. Григорович, обер-прокурор Синода В.К. Саблер и прочие. Все в парадных мундирах, при звездах, лентах и орденах, как вы и видите на снимке.

«Наш Ботанический сад является одним из лучших во всем мире, – справедливо писало тогда «Новое время». – В сфере чисто научной ближайшие задачи сада состоят в изучении растительного царства вообще и в особенности флоры России и прилежащих стран. В научно-практическом отношении... – в изучении свойств и введении в культуру тех видов, которые могут иметь практическое значение...»

Последнее замечание, кстати, весьма знаменательно. Как я могла понять из читанного о саде, было время – и очень долгое, – когда он в определенной степени исполнял функции теперешнего Института растениеводства.

В самом деле, брошюрка 1836 года, к примеру, рассказывает «любителям сельского домоводства» о нескольких десятках новых сортов хлебных злаков, испытанных на делянках сада: пшеницы, ржи, полбы, овса... (Названы они тут «ниворослями», то есть растущими на ниве. Никогда прежде не слыхала такого слова!)

А в году 1894-ом очередной директор сада А.Ф. Баталин рассказал в своей работе «о новых и малоизвестных полезных растениях, введенных в культуру в последнее время Императорским Ботаническим садом в С.-Петербурге».

Знаете ли вы, что именно с той поры и появилась на наших с вами «огородах» малина с желтыми ягодами?

Петровский кураж

Закладывая город «на берегах пустынных волн», «мореплаватель и плотник» Петр I решил сделать свой Санкт-Петербург великой морской столицей России.

Так и вышло. Очень быстро был прозван Петербург «Северной Венецией», ведь, кроме Большой Невы, прорезают его невские рукава, многочисленные реки, речки и каналы.

Поначалу мостов город не имел. Самый первый на Неве, наплавной, плашкоутный появился лишь после смерти Петра, в 1727 году. Так что было совершенно естественно передвигаться в городе по воде.

Сам «отец-основатель» плавал от берега к берегу на лодке, именуемой на английский лад верейкой: от слова «wherry», которое «лодка», или «ялик», и означает. Он и приближенных своих приучал к такому средству передвижения.

И надо заметить, выбрал для этого весьма оригинальный способ...

Несколько позже, чем было построено Адмиралтейство (1704 год) и чуть раньше, чем начали строить суда на Охте (1720 год), повелением Петра устроена была верфь на берегу Фонтанки против Летнего сада, у впадения ее в Неву. Верфь эта была названа Партикулярной, потому что делались здесь, «по образцу европейских», суденышки «гражданские», для частных лиц. И некоторые эти лица – те, что из царского окружения, получали их, как тогда выражались, «безденежно». Более того, подарок оказывался принудительным. Петр желал, чтобы его сотоварищи хорошо освоили лодки и малые яхточки, пользовались ими постоянно, даже «во время бываемых великих ветров и штормов ходили без страху». Не знаю, для обучения ли вельмож, но устроено было при Партикулярной верфи даже «водоходное училище»...

При этом царь оказался столь требователен, что по воскресным дням заставлял всех владельцев дареных лодок собираться «целым флотом» на Неве – устраивая им смотр и «экзерциции».

Желал Петр приспособить к жизни молодой столицы и такой экзотический транспорт, как буер.

«Two things are necessary for ice-boating – ice and courage» – «две вещи необходимы для катания на буере – лед и храбрость». Так написано в американской «Encyclopedia of Sports». Насчет льда и храбрости правильно замечено. Все равно, как сказать, что Волга впадает в Каспийское море. Но я бы лучше вместо слова «храбрость» употребила другое, доставшееся и англичанам, и нам от французов: «кураж». В нем заложен еще и задор!

Интересно, что само слово «буер» при Петре и попало в русский язык, причем точно в том звучании, как оно произносится голландцами: «bu-jer». И неудивительно: Петр в Голландии бывал, работал плотником на верфи в Саардаме. Завезенное царем в отечество слово прижилось, его даже внесли в «Лексикон вокабулам новым».



Вокабула-то была новая, но обозначаемое им сооружение новинкой для российских людей вовсе не являлось. Северные поморы и жители берегов Ладоги и Онежья бог знает с каких времен ставили деревянные платформы на железные коньки и разъезжали по льду, ведя зверобойный и рыбный промысел...

Однако попытка царя приучить к буеру петербургских вельмож тогда практически не удалась. Видимо, им куража не достало. Известно, что на буере только сам царь иногда и ездил.

Потом буер из столичного обихода надолго исчез. Может, и находились какие энтузиасты, но история об этом умалчивает. А когда заговаривает снова, то называет сведения приблизительные и по достоверным источникам непроверяемые.

Например, что в 1819 году на верфи петербургского Адмиралтейства был построен, по словам «Энциклопедического словаря физкультуры и спорта», первый спортивный буер. Для кого, для каких соревнований – неизвестно. А о том, последовали ли за первым «спортивным буером» второй, третий и так далее, и вовсе неоткуда узнать.

Остается довольствоваться случайными строками из обзора в известной столичной газете «Северная пчела» за май 1852 года. Его автор вспоминает «иные зимы, когда лед станет гладко». Тогда на Неве «являются буеры (парусные санки), и охотники до этих удовольствий, преимущественно англичане, катаются даже на взморье...».

Тем временем официальная история (уже упомянутый «Энциклопедический словарь физкультуры и спорта») подбрасывает новую информацию: дескать, в январе 1882 года проведена была в Петербурге первая буерная гонка на дистанцию 32 версты (чуть больше 34 километров)... Ее проверить, казалось бы, просто: посмотреть газеты того времени. Только в них о той гонке ни слова. Сочли, видно, что слишком новое и незнакомое для обывателя это дело: заинтересуется ли? Про рысистые бега – пожалуйста!

Кстати, январь 1882 года был в Петербурге морозным и выюжистым. Газета «Голос» рассказала, что отправившийся 25 января от вокзала в Ораниенбауме в Кронштадт караван саней

и кибиток с пассажирами был разметен по льду поднявшимся бураном, ураганный ветер поднимал в воздух кучеров и лошадей, и многие седоки позамерзли в пути... Ужас!

Что можно сказать о буерном спорте в Петербурге с уверенностью, так это следующее: он начал развиваться здесь на самом рубеже XIX и XX веков. Вот уж когда в городских газетах стали достаточно регулярно появляться сообщения о столичных буеристах и их состязаниях.

«Вчера, несмотря на крепкий мороз, – сообщала, к примеру, «Петербургская газета» 20 декабря 1900 года, – по оледенелому взморью бесшумно, но красиво скользили легкие буэра, показывая при этом такую резвость, которой бы позавидовал любой паровоз».

За три дня до нового, 1912 года состоялись даже рождественские буерные гонки – фотография, которую вы видите, тогда и сделана.

А уже в январе 1914 года «С.-Петербургские ведомости» заявляли о «громадном развитии этого вида спорта» в Петербурге: «флотилия буеров насчитывает в своей среде до 50 саней-лодок...». Столичные буеристы даже решили организовать свой собственный Буероклуб. Но развернуться не успели: в августе 1914 года, как известно, Россия уже была втянута в мировую войну.

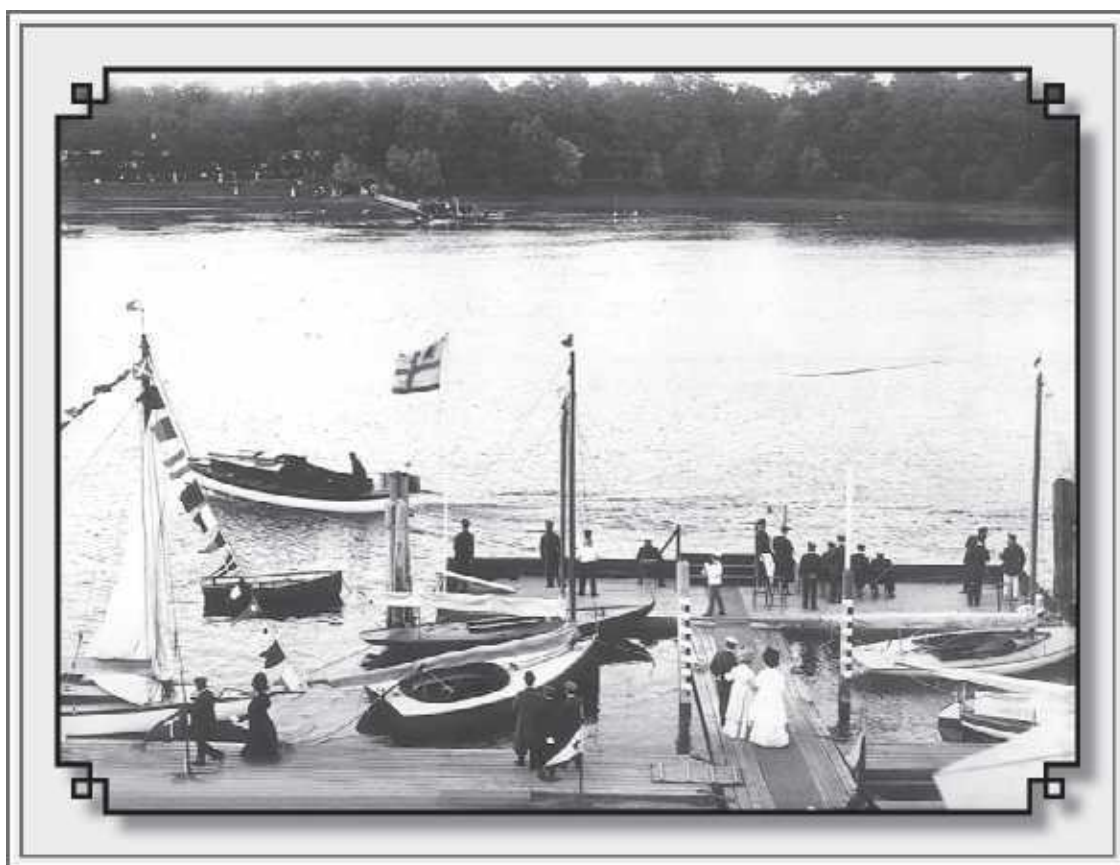
Лучше Императорского!

Конечно, несчастные царедворцы, о которых вы прочитали на предыдущих страницах, не были спортсменами, для них катание на лодках было лишь отбыванием государственной службы. Зато некоторые старинные историки смогли утверждать, будто бы устраиваемые Петром регулярные воскресные испытания были доказательством существования первого столичного яхт-клуба – родившегося на берегах Невы уже в 1718 году, на два года раньше самого старого клуба в Англии!

Правда, и скончался этот наш яхт-клуб вместе со смертью Петра I. Понадобился век с лишним, чтобы подобное общественное образование появилось в столице вновь...

*С чувством искреннего слова
Возглашаю тост-привет,
Чтоб друзьями должно-читимый
Клуб наш добрый, клуб любимый
Процветал на много лет!*

Эти простенькие строчки петербургский литератор, теперь уже забытый, Алексей Иванов-Классик посвятил С.-Петербургскому речному клубу.



Среди немалого числа подобных клубов на невских берегах Речной клуб был, пожалуй, самым известным и массовым. Известней даже, чем элитный и гораздо ранее появившийся в Петербурге Императорский яхт-клуб, членами которого были исключительно титулованные лица.

А Петербургский парусный клуб или Петербургский парусный кружок, Петровский яхт-клуб или Гаванское парусное общество, Сестрорецкий, Шуваловский, Невский, Териокский и остальные даже не пытались равняться с Речным ни по значению, ни по популярности.

Официальное рождение С.-Петербургского речного яхт-клуба состоялось 14 марта 1860 года. Но на самом деле (как было положено участникам Первого Всероссийского съезда любителей и деятелей яхтенного и вообще водного спорта, состоявшегося в 1897 году) начало клубу было положено двумя годами раньше.

Тогда несколько приятелей объединились под шуточным девизом «Jack of all trades» (в прямом переводе – «мастер на все руки»). Быстро нашлись у них и сторонники: уже в 1859 году в этом собрании состояло 40 любителей ходить под парусом, и они стали именовать себя Невским яхт-клубом.

Теперь можно было утверждаться официально, и на свет появился устав, а клуб получил новое название – Речной, свой знак, форменную одежду и даже высокого покровителя – генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича.

Чем был привлекателен Речной клуб, в отличие от уже существовавшего тогда Императорского? В него могли вступить петербуржцы различного достатка и общественного положения. Тот же Иванов-Классик, чьи стихи здесь процитированы, вышел из семьи крепостных, торговал в Гостином дворе, сотрудничал в газете «Петербургский листок»... И вместе с ним тут – один из князей Белосельских-Белозерских, которым принадлежал Крестовский остров, где клуб обосновался. И известный архитектор Цезарь Кавос, и сыновья художника Федора Бруни, и В.И. Тайвани, владелец пароходиков, возивших пассажиров по Большой Неве...

Дело все в том, что членам этого клуба совершенно не обязательно было иметь собственные яхты и лодки: клуб приобретал их за свой счет. Да-да, лодки тоже, потому что первые годы члены Речного яхт-клуба много занимались гребным спортом. Даже по случаю своего рождения первую гонку в конце июля 1860 года провели они на гребных судах. Правда, сами выступали лишь как рулевые, а гребцами наняли профессиональных яличников и матросов. (Кстати, любопытный факт: в программе этих гонок обозначены были также соревнования на лыжах по воде, на дистанции в версту туда и обратно. К сожалению, подробностей, как именно это происходило, газеты, писавшие о гонке, не сообщили.)

А первая парусная гонка состоялась только через месяц после гребной. Участвовали в ней восемь яхт, которые один из пароходиков, принадлежавших Тайвани, на буксире доставил к Северному маяку. Участники должны были обогнуть

Южный маяк и вернуться к точке отправления. У победителя этот путь, как писала газета «Русский инвалид», занял три часа.

К сожалению, победители первых парусных гонок определялись приблизительно, и бывало немало обид. Естественно, со временем стала видна необходимость выработки определенной системы в организации соревнований. В клубе начали делить суда на разряды, и соответственно им состязаться, определили специальные правила «для оценки в баллах гоночной силы яхт» и предложили таблицы учета времени... А в 1898 году и все петербургские яхт-клубы приняли Общие правила парусных гонок...

Уже одна только спортивная работа С.-Петербургского Речного яхт-клуба тех времен заслуживала добрых слов.

Но имелась еще одна, и очень важная сторона его деятельности, о которой сейчас, возможно, не все и знают.

Во-первых, клуб много способствовал развитию судостроения. Если в самые первые свои годы он покупал шлюпки и яхты за границей или заказывал их на Охтинской верфи, то уже в 1866 году основал собственную шлюпочную мастерскую. И слава ее оказалась потом такова, что суда, сходявшие со стапелей мастерской, заслужили не одну высшую награду на выставках в России и за границей.

А во-вторых, клуб и обучение мореходному делу взял на свое попечение. В 1876 году были основаны при нем Мореходные классы, позже преобразованные в Училище дальнего плавания Императора Петра Великого – для подготовки штурманов и шкиперов коммерческого флота. Между прочим, и потом оно стало широко известно – как Высшее инженерное морское училище имени адмирала С.О. Макарова.

...В июле 1910 года С.-Петербургский Речной яхт-клуб устроил большой праздник по случаю своего полувекового юбилея.

Запечатлевал на фото торжества такого рода в Петербурге обычно Карл Карлович Булла. Прибыл он со своим трехногим аппаратом и на Крестовский проспект, 92.

Заснял гостей, участников юбилейных гонок, здания клуба и его интерьеры, отдельно – набор роскошных серебряных призов, приготовленных для победителей.

Обратите внимание на снимок, сделанный им у клубного бона (причала). Видите отходящую от него моторную лодку? Тогда такие лодки являлись большой редкостью в северной столице. Тем не менее соревнования в день рождения клуба были устроены и для них. По словам газеты «Новое время», «от шума и дыма некуда было деться».

Окно на Зимнюю канавку

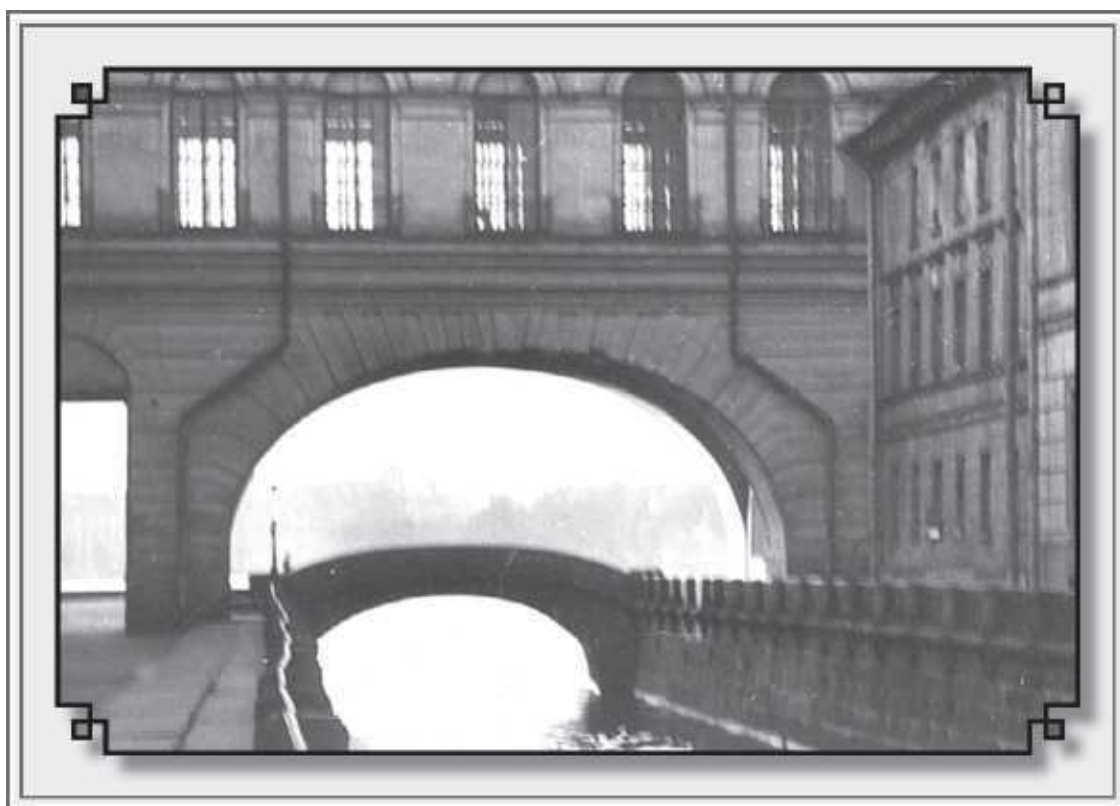
Перед вами на снимке уголок, уж конечно хорошо знакомый. Зимняя канавка уходит к Неве, и арка там, в ее конце, одним своим крылом упирается в здание Эрмитажного театра.

Сто, без малого, лет назад именно это место весьма занимало ученых Академии наук и Министерства императорского двора: оба этих учреждения были озабочены увековечением места смерти Петра Великого.

Объявление о том, что Министерство императорского двора организует по этому случаю всероссийский конкурс на проект памятника, попало мне в 13-м номере журнала «Зодчий» за 1914 год.

Последующая же информация оказалась на удивление скудной. Журнал «Аполлон» в мае поиронизировал над условиями конкурса, которые требовали, чтобы «все, даже малограмотные, могли понять, что памятник поставлен Петру Великому». Над тем же посмеялась «Речь». А «Новое время» устами своего обозревателя Н. Кравченко заявило, что премии авторам-победителям установлены слишком малые – 500, 300 и 200 рублей, чтобы кого-нибудь соблазнить на участие...

Срок конкурса истек в сентябре, но столичная пресса о том как будто забыла. Только «Зодчий» с «Речью» и упомянули. Первый написал в октябре, что в Кунсткамере открыта выставка проектов. Вторая в отчете о собрании Академии художеств сообщила: «В заключение состоялось присуждение премий по конкурсу проектов для увековечения места кончины Петра Великого. Первая и вторая премии присуждены скульптору Грузенбергу, а третья – г. Малашкину».



Так что же это была за акция, которая не привлекла большого внимания тогда и о которой прочно забыли потом, так что даже мои попытки навести справки у знающих людей – в Эрмитаже, Академии художеств – не принесли результатов?

Ответ нашелся в документах, хранящихся в Российском Государственном историческом архиве и петербургском филиале архива Российской Академии наук. Это переписка, которую на протяжении нескольких лет вели по упомянутому вопросу секретарь Императорской Академии художеств В.П. Лобойков, директор Музея антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого В.В. Радлов, начальник канцелярии Министерства Императорского двора А.А. Мосолов, начальник Дворцового управления генерал-лейтенант С.И. Сперанский и другие официальные и неофициальные лица. Во всех подробностях мне ее тут за недостатком места не пересказать, но историю так и не появившегося в столице памятника могу вкратце изложить.

Итак. В 1872 году исполнялось 200 лет со дня рождения Петра, и дату решено тогда было увековечить памятником на том месте, где он скончался. Однако точных данных об этом самом месте не имелось, поскольку первого Зимнего дворца, где произошло печальное событие, уже не существовало. Джакомо Кваренги включил часть стен дворца в возведенный им Эрмитажный театр. Так что от благой мысли пришлось тогда отказаться.

В 1903 году (по другой информации – в 1904-м) выступила с инициативой увековечить место кончины Петра I Академия наук.

Но снова дело уперлось в определение точного места. Решили его все-таки установить.

Осенью 1912 года на заседании историко-филологического отделения Академии наук был заслушан труд Ф.Н. Литвинова (по должности – делопроизводителя управления С.-Петербургского удельного округа, а по увлечению – историка) – «К вопросу в какой палате скончался император Петр Великий». Академики вполне одобрили изыскания Литвинова, доказывавшего, что «та часть стены нынешнего театрального здания, которая выходит на Зимнюю канавку, от угла набережной Невы до закругления Эрмитажного театра, полосой на высоте 13 футов от мостовой и выше до потолка антресольного помещения, несомненно принадлежала к искомой комнате». Они даже предложили приурочить увековечение к 300-летию дома Романовых.

Однако до февраля 1913 года, когда ожидалось юбилейные торжества, со столь масштабным предприятием было уже не справиться.

Но и отказываться от планов не стали. Осенью 1913 года Николай II выразил свое «благоугодное согласие» на то, чтобы делу был дан ход.

«Особый памятник» решили ставить в нише окна, выходящего на канавку, в первом этаже театрального здания.

Определили условия конкурса и опубликовали их в марте 1914 года, в уже упомянутом мною 13-м номере «Зодчего»...

Но, как выяснилось из тех же архивных документов, на «всероссийский» конкурс поступило всего семь проектов. Ни один из них не удовлетворил жюри, состоявшее из членов Академии художеств и Министерства двора. Однако премии выплатить пришлось: петербургскому художнику Дмитрию Малашкину и «специалисту-архитектору, мещанину г. Екатеринослава» Сергею Грузенбергу (последний выполнял реставрационные работы в Кунсткамере, и В.В. Радлов ходатайствовал перед министром внутренних дел о продлении ему разрешения на право жительства в Петербурге, то есть за «чертой оседлости»).

Выдача премиальных 800 рублей победителям произошла в феврале 1915 года, и надо сказать, Министерство двора сделало это скрепя сердце – предупредив, что если последует объявление второго конкурса, то надо будет оговорить награждение только тех проектов, которые можно использовать.

Но второй конкурс не объявили. Приняли простое решение: обратиться к ректору Высшего художественного училища Академии художеств «с просьбою, чтобы последний взял на себя труд разработки памятной доски» для установки на месте, где почил Петр I. «Академик Л.Н. Бенуа изъявил на это свое согласие».

Но Россия уже была захвачена войной, и дело застопорилось окончательно...

Однако, слышала я, будто бы памятная доска на месте кончины Петра все-таки появилась – в феврале 2000 года. Ненадолго. Говорили, настоящее увековечение еще впереди. Пока что на углу Эрмитажного театра со стороны Зимней канавки прохожий человек может заметить маленькую табличку со стилизованной под старину надписью:

«1 // Ад: Час: 1 // Кварт:

Почтовая.

Potschtowaja.»

Что верно, то верно – зимний дворец Петра находился в Адмиралтейской части столицы.

Новой столице расти и расти

Колыбель нового града

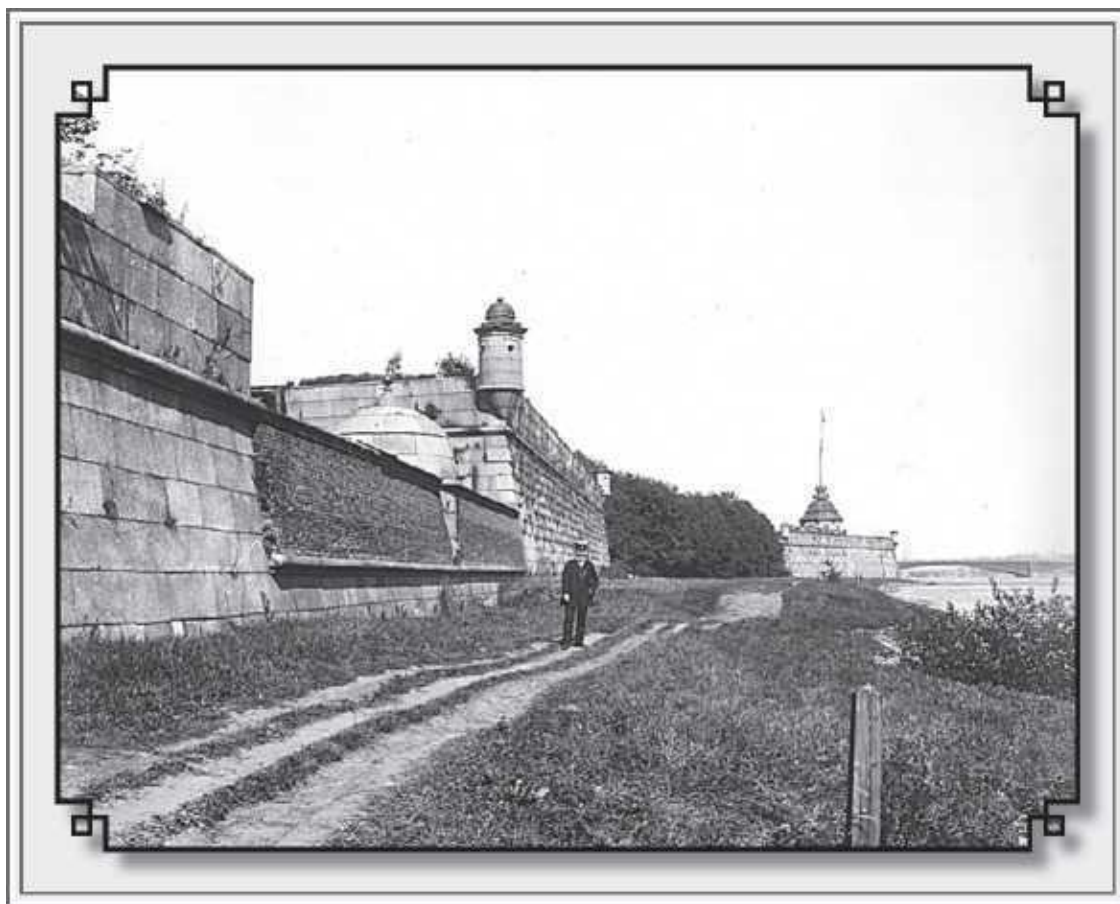
Именно так определяли когда-то эту столичную местность старинные авторы в своих сочинениях о Петербурге – в частности, Александр Башуцкий в известной своей «Панораме С.-Петербурга», опубликованной в 1834 году.

«Колыбель Петербурга». «Зерно, от которого город пустил ростки во все стороны».

Да, город наш зарождался, начинался здесь – на Городском, на Петербургском острове, на Петербургской стороне, от Петропавловской крепости – во всем своем многообразии и богатстве.

Да вот судите сами. Первое жилище Петра, его бревенчатый домик был построен в 1703 году неподалеку от строящейся крепости. После крепостной, Петропавловской, первая городская церковь в 1710 году появилась на Троицкой площади, которая потом и имя свое получила от этой самой Свято-Троицкой церкви. Кстати сказать, прежде других в столице Троицкая площадь была вымощена камнем...

Разумеется, по соседству с царем стали селиться и кое-кто из его вельмож... Их палаты тоже пригодились новорожденной столице. Так в доме петровского дипломата Петра Шафиров, говорят, происходило самое первое заседание учреждаемой в России Академии наук. В шафировском же доме поначалу хранились и коллекции знаменитой Кунсткамеры.



А дом Романа Брюса, первого обер-коменданта столицы, после его смерти в 1720 году, занял Синод. Что же касается Сената, то он «присудствующее свое место» имел непосредственно в крепости.

В крепости, утверждают, обрела существование и первая петербургская аптека.

Близ Кронверка в 1706 году развернулся первый столичный рынок – обжорный и толкучий. Еще раньше, в 1705 году выстроили на площади, со стороны нынешнего Александровского парка, первый Гостиный двор. Он был деревянный и сгорел через пять лет в пожаре, после чего был заменен мазанковым, в два этажа. А позади Гостиного двора появилась в 1711 году первая столичная типография. И первые постоянные дворы – для приезжих попроще, и первая гостиница – Фартерная изба, для гостей рангом выше, и даже первый трактир – «Австерия», тоже возникли именно в этой «колыбельной» местности...

Как видите, слово «первый» употреблено мною многократно. Известно, что по первоначальному замыслу Петра Городской остров должен был стать центром новой столицы. Но жизнь очень часто переворачивает наши планы.

«Петербургский остров, некогда центр жизни и деятельности, – с печалью признавал Башуцкий, – ныне постоянное жилище беднейших...»

И в 1862 году вторил ему Михайлов в журнале «Северное сияние»: – «Несмотря на то, что основание столицы... возникло сперва на Петербургском острове, он в продолжение шестидесятилетнего периода только все отставал от прочих частей города и, представляя когда-то С а н к т – П е т е р б у р г, мало-помалу усвоил себе потом второстепенное название Петербургская сторона».

Увы – «прежняя колыбель столицы ныне почему-то считается ее окраиной»... Да, вот так оно вышло: зерно, дав ростки, на том свою роль будто бы и закончило. Уж потом о Петербургской стороне столичные жители долго говорили никак не в возвышенном тоне. Вы даже не представьте себе, сколько чернил извели, сколько перьев, гусиных и стальных, сточили газетчики, критикуя тогдашнее ее состояние. На протяжении всего XIX века представляла Петербургская окраинная сторона местность пустынную, заброшенную и грязную.

«Обширные площади лежат в ней или впусе или под огородами, – писала «Северная пчела» в 1861 году. – За неимением мостовых и водосточных труб в весеннюю и осеннюю пору нет ни прохода, ни проезда... Тротуары – деревянные мостки, сколоченные кое-как, приспособлены как нельзя лучше, чтобы пешеходу сломать себе шею...»

Если вы думаете, что так выглядела какая-нибудь затрапезная Колтовская улица или Наличная (теперешняя Корпусная), то ошибаетесь. Откройте топографически точный роман Достоевского «Преступление и наказание», найдите, к примеру, сцену последней ночи Свидригайлова. «Он шагал по бесконечному Б-му проспекту уже очень долго, почти полчаса, не раз обрываясь в темноте на деревянной мостовой...»

Б-й проспект – это ведь Большой проспект, а деревянная его мостовая вовсе не сосновыми торцами, как перед Зимним дворцом, была выложена.

А как долго ждали здешние обыватели постоянных мостов, которые бы надежно связали их с центром столицы! Ведь до начала XX века Дворцовый и Троицкий были наплавными: весной их наводили, а осенью убирали. Так что часто получалось быстрее добраться по воде, наняв перевозчика.

«Бедные заречные театралы!» – сокрушался при этом один из современников в своих заметках. Каково им возвращаться после спектакля в Александринском театре ветреной ночью в лодчонке, скачущей по темным волнам!..

А как просили хозяев города осветить свои бедные улицы! «Царством тьмы» назвала однажды Петербургскую сторону газета «Голос». На дворе был уже 1911 год, а жители Малого проспекта Петербургской стороны все еще умоляли городскую осветительную комиссию заменить керосиновые фонари на газовые...

Для дорогих гостей

Вглядевшись в безлюдную эту картину, вы, конечно, узнаете и купольную башню Пушкинского Дома, спрятавшегося вдаль, на набережной, и здание университетского истфака. Снимок, кстати, не очень и стар – сделан чуть больше полвека назад.

А вот век назад этот уголок города имел у петербуржцев иные приметы: Таможня, Старый Гостиный двор, Новый Гостиный двор...

Как там у Пушкина – «все флаги в гости будут к нам»? Гости ведь, по-старинному, это купцы, ведущие торговлю с заморскими странами. И они были среди первых, о ком позаботились в родившейся российской столице, ставшей окном в Европу.



Для купцов и строились «дворы» – лавки со складами. Прежде всего Гостиный двор появился на Петербургской стороне, на Троицкой площади. А в 1722 году было приступлено к строительству еще одного, на Васильевском острове. Как докладывалось, уже в начале XX века, на общем заседании правления Общества архитекторов-художников и членов совета Музея старого Петербурга, строили его на средства купцов и горожан, по плану Пьетро Трезини. Но строительство шло медленно, с остановками – видать, по причине недостатка денег. Между тем, купцы в помещениях нуждались, так что был повод еще раз их потрясти, чтобы строили своим коштом. Они же плакались: мол, и так терпят убытки от пожаров да иностранных торговцев... Как бы то ни было, но в 1740-х годах здание того Гостиного двора было все-таки закончено, правда, уже по планам Трезини-сына, звавшегося Джузеппе, при участии Михаила Земцова.

Гостиный двор на Васильевском надолго стал в столице главным, таможенным – здесь сосредотачивались «отпускные», то есть предназначенные на экспорт отечественные товары и привозные, импортные. Очень скоро его амбаров и лавок стало не хватать: в 1763 году порто-

вая таможня доносила, что в ожидании разгрузки корабли иногда вынуждены устанавливаться вдоль набережной в несколько рядов.

Прижимистое купечество раскачивалось долго, но деваться было некуда: пришлось приступить к строительству нового Гостиного двора, по соседству со старым, и эти два слова – «новый» и «старый» – с тех пор прочно прилепились к их названиям.

Новый Гостиный двор вырос на площадке между старым двором и Таможенным сквером в первых годах XIX века. Автор, Джакомо Кваренги, спроектировал замкнутое по периметру участка здание в два этажа, разбитое на изолированные отсеки, с галереями в первом этаже снаружи и по обоим этажам во дворе. Предназначено же оно было не для продажи товаров, а лишь для их «складки». Но и Старый Гостиный не был забыт: в 1820-х годах его перестроили, а в 1873-76 годах несколько амбаров в верхней галерее, со стороны нового двора, переделали в «роскошные залы» для Таможенного музея: «с целью доставления таможенным чиновникам возможности ознакомиться близко с привозными в Россию и отпускными за границу товарами».

Однако с годами старый двор стал терять свое «гостиное» значение. Таможенное ведомство, последний его хозяин, стало постепенно раздавать его строения и участки. К 1912 году один из четырех его углов застроило Главное управление неокладных сборов, другой приобрело Министерство торговли и промышленности.

А возникшие планы снести строения на третьем, юго-западном участке, ради возведения там Библиотеки Академии наук, предвещали конец Старому Гостиному двору как таковому.

Художественная общественность столицы поднимала громкий голос в его защиту, но потерпела поражение.

Библиотечное здание встало там в начале 1910-х годов. Старый Гостиный двор остался лишь на старых картах Петербурга...

А здание Нового Гостиного двора уцелело. Уже в советское время его помещения долго использовались по прежнему назначению – как склады. Пока не возникла идея приспособить строение для Ломоносовского института Академии наук. В 1932 году архитекторами Я.Я. Кетчером и К.И. Кашиным был составлен проект. И даже к работам успели приступить. Но Академия переехала в Москву.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1934 года о восстановлении в ЛГУ имени А.С. Бубнова исторического образования оказалось очень кстати: здание Нового Гостиного двора было передано Университету под исторический факультет.

Строительные работы возобновились, естественно, с некоторой переделкой проекта. Они продолжались, по мере освобождения складских помещений, еще и в 1941 году. Хотя уже 1 сентября 1934 года 150 первокурсников нового факультета заняли здесь аудитории.

«Серое, неприглядное снаружи здание исторического факультета сегодня ожило», – писала тогда университетская газета.

Оно давно перестало быть серым и неприглядным. Но Кваренги своего творения не узнал бы. Здание выросло на этаж, уничтожены арочные галереи во дворе, никаких тебе отсеков внутри. Да ведь и не склад товаров же – кладезь знаний!

Петербургские страницы А.Д. Б-ова

Лет сто назад книжек о нашем благословенном городе выходило меньше, чем теперь (хотя некоторые из них и по сей день составляют лучшую часть литературы о Петербурге). Но это не значит, что петербуржцы тогда были мало осведомлены об истории молодой российской столицы: в газетах нет-нет да появлялись заметочки «из прошлого». То расскажут они о «маскерадах», бывших еще при Елизавете Петровне и Екатерине II, то вспомнят, как создавалась первая русская газета, то поведают о первостроителях Петербурга...

Но всплеск интереса к истории города возник в преддверии празднования двухсотлетия со дня его основания.

Не было газеты, так или иначе не затронувшей эту тему.

«С.-Петербургские ведомости», которые и сами были ненамного моложе Петербурга, начали серию публикаций с выяснения вопроса, когда же был основан город на невских берегах – 16 мая или 29 июня 1703 года. Спор этот возник между историками в связи с разным комментированием ими записей в «походном журнале» Петра I. Поскольку мы с вами и поныне празднуем день рождения нашего города 27 мая, то есть по старому стилю 16-го, то ясно, что историк П.Н. Петров, выдвинувший как раз вторую версию, был неправ. Естественно, что опровергали его аргументы и «С.-Петербургские ведомости»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.